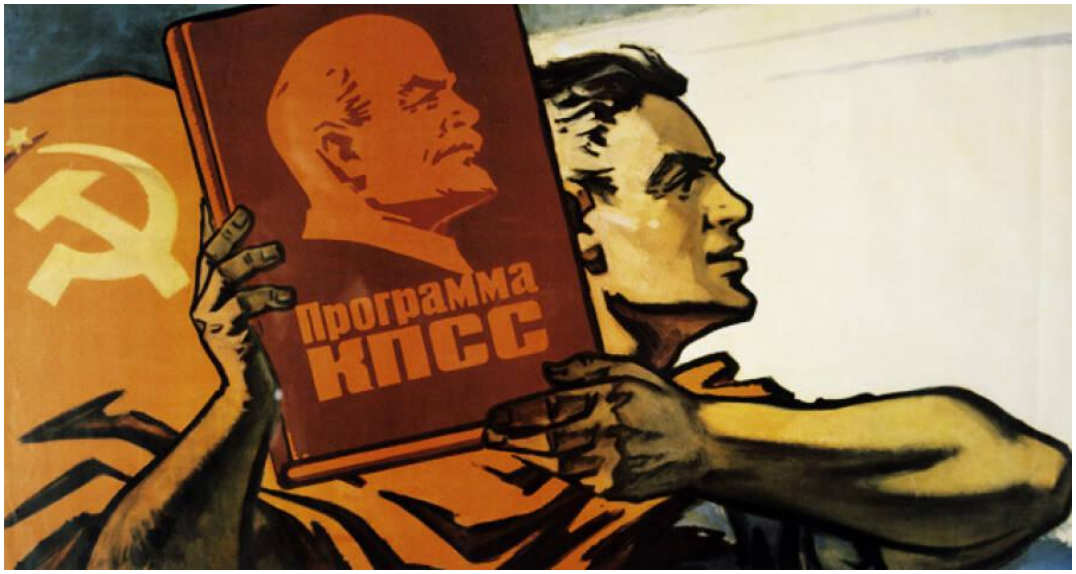
2021-11-17 **РУСО. И.М. Братищев: «Третья Программа КПСС как попытка форсированного сближения теории с практикой (к 60-летию принятия документа)»**

Начну с краткого анализа исторического периода, в рамках которого потребность в принятии новой, третьей по счету Программы партии приобрела характер необходимости. Для нашей страны и ее руководства этот период стал временем поиска вариантов перехода от жестко централизованной модели экономического развития, абсолютно оправдавшей себя в ходе подготовки к войне, самой войны и так называемого компенсационного послевоенного времени возрождения. К началу 50-х годов система управления, свойственная 30-м и 40-м годам, стала давать сбои. Возникла острая необходимость в ее модернизации, способной задать стране новый импульс развития.

Вместе с тем, наступил коренной переворот в области науки и техники, связанный с овладением атомной энергией и другими достижениями. Техническая революция совпала с революцией в науке, а это означало, что и сама наука преобразуется в непосредственную производительную силу. Это привело к резкому сокращению лага между каждым научным открытием и его применением. Скажем, если от открытия принципов фотографии до разработки ее технических средств прошло 118 лет, то для телефона этот период составил уже 56 лет, радио – 35, радиолокации – 15, телевидения – 12, транзистора – 5 (1948 год), интегральных схем – 3 года. В 1955 году в

Москве был создан Вычислительный Центр А.Н. СССР, несколько позднее (1962 год) – Институт кибернетики В.М. Глушкова в Киеве, названный впоследствии его именем.

С середины 50-х годов в Советском Союзе все явственнее стала осознаваться социальная природа науки и что социализм создает безграничные возможности для ускорения научно-технического прогресса. Примечательно, что еще за два десятка лет до этого времени планирование науки как составной части народнохозяйственного планирования объявлялось в США «большевистской выдумкой». Те, кто это заявлял, видимо, не знали, что о роли взаимосвязи науки и практики давно писали ученые разных времен. Так, еще Аристотель утверждал: «Деяние есть живое единство теории с практикой», а Леонардо да Винчи говорил: «Наука – полководец, и практика – солдаты». Эту же мысль кратко и поэтически выразил Гёте: «Мало знать, надо и применять».

Но возможность сознательного сближения теории с практикой возникла лишь в социалистическом обществе, когда фундаментальные теоретические открытия, их опосредование и практическое использование стали составлять единый процесс познания и преобразования мира, создающий в комплексе возможность получать наивысший коэффициент полезного действия.

Так, Ленин, остро ощущая необходимость плановой организации науки, еще в 1918 году составил свой знаменитый «Набросок плана научно-технических работ». «Великая депрессия» 30-х годов вынудила и буржуазию осознать социальную роль науки и выделять значительную часть ассигнований на ее развитие из государственных источников.

Осмысливая особенности периода принятия третьей Программы КПСС, было бы опрометчиво не учитывать внешний фактор. В конце 50-х годов конфликт коллективного Запада с Советским Союзом приобрел крайне острые формы. Буржуазия еще и еще раз демонстрировала, что она никогда не прекратит попыток ослабить нашу страну и не оставит мысли уничтожить ее как конкурента (прежде всего мировоззренческого).

Таким образом потребность в создании нового программного (теоретического)

документа, определяющего цели и задачи партии на новом этапе развития страны, включая и способы их решения, была продиктована как внутренними, так и внешними причинами, но не волюнтаристскими побуждениями, как иногда утверждают. Первая Программа еще РСДРП, принятая ее 2-м съездом, была выработана, как мы знаем, редакцией «Искры» при руководящем участии В.И. Ленина (1903). Она ставила задачу свергнуть капитализм и установить в России диктатуру пролетариата (программа-максимум), а ближайшей целью определила свержение самодержавия и создание демократической республики (программа-минимум). Восьмой съезд РКП(б) (1919) констатировал выполнение первой Программы как результат февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революции 1917 года и принял выработанную комиссией ЦК партии под руководством Ленина вторую Программу. Ее основной задачей было объявлено построение социалистического общества.

22-й съезд КПСС (1961) признал эту задачу выполненной, что и вызвало необходимость разработки и принятия третьей по счету Программы. Через двадцать пять лет, как известно, 27-й съезд партии (1986) посчитал необходимым утвердить новую редакцию третьей Программы, объявив ее программой «планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны», «борьбы за мир и социальный прогресс». (Материалы XXVII съезда КПСС. Стенографический отчет. Том 3. – М., 1986. – С. 556).

Тем самым была реализована установка – уйти от чрезмерной конкретизации, имевшей место в прежней редакции Программы и заявленной ею цели (о ней позже), которая выглядела при всем ее несомненном эффекте откровенной маниловщиной. Время показало, что эту цель было бы корректнее сформулировать только как желательную, должную, соотносимую с идеалом, поэтому вряд ли она нуждалась в определении конкретных сроков ее достижения. Кстати сказать, как цель будущего она формулировалась и в проекте Программы, подготовленном в 1939 году при непосредственном участии И.В. Сталина. Но тогда от принятия программы вынуждены были отказаться. Надо было готовить страну к отражению фашистской агрессии, которая была не за горами. Некоторые историки небезосновательно считают, что Вторая мировая война была развязана милитаристскими кругами запада задолго до сентября 1939 года и датируют ее начало временем прихода Гитлера к власти.

Но вернемся к периоду создания проекта и принятия третьей Программы КПСС на ее 22-м съезде, состоявшемся с 17 по 31 октября 1961 года. Хорошо помню это время. Летом 1960 года, демобилизовавшись после трехлетней срочной службы в рядах Советской Армии и выдержав немалый конкурс (тогда он был 16 человек на место), я

поступил учиться на юридический факультет Ростовского госуниверситета.

Это было время большой геополитической игры между СССР и США, чувствовалось, что она вот-вот может перерасти в войну на взаимное полное уничтожение. Руководство страны, понимая, что врага надо бить «не только по загривку, но и по воображению», как говорил русский полководец, генерал М.Д. Скобелев, объявило 30 октября 1961 года, что в Советском Союзе состоялся испытательный взрыв самого мощного из когда-либо созданных человечеством ядерных боеприпасов АН-602 (длина 8 метров, а вес – 26 тонн). Его разработчики – советские ученые дали изделию кодовое имя «Ваня» (позднее журналисты придумали ему другое название: «Царь-бомба» и «Кузькина мать», видимо намекая на известное выступление Н.С. Хрущева в ООН). Но стоит ли сомневаться в том, что уже сам по себе этот факт сыграл ключевую роль в утверждении ядерного паритета между двумя великими державами и предотвращении использования атомного оружия впредь? Оно и сегодня хранит Россию от агрессивных поползновений кого бы то ни было.

Небезынтересно отметить, что проект рассматриваемого нами документа был опубликован в печати за два с половиной месяца до начала работы 22-го Съезда КПСС. Он широко обсуждался в обществе и в партийных организациях и вызвал не только комплиментарные отзывы, но и критические замечания, предложения, изменения и поправки. Люди, привыкшие в советское время к откровенному диалогу с партийным и государственным руководством, обратили внимание на те положения программы, которые отличались явным забеганием вперед и противоречили реальному положению дела. Однако верх все же взяла установка предшествующего внеочередного 21 Съезда партии (1959), которая соответствовала выводам, сделанным еще в 1939 году, но сформулирована она была только через 14 лет после него. Тем не менее, съезд партии констатировал вступление страны «в новый период своего развития – период развернутого строительства коммунизма». Это было неожиданно, смело, пропагандистски выигрышно, но, явно преждевременно.

Безусловно, создатели проекта третьей Программы, по замыслу долженствующему стать результатом глубокого осмысления и обобщения первого опыта строительства социализма в нашей стране, не могли не исходить из ленинского положения, высказанного им 19 марта 1919 года в заключительном слове Второй программы партии, о том, что ее программа «должна быть построена на научном фундаменте». Таким фундаментом стало произведение К. Маркса «Критика Готской программы», написанное в 1875-м, а опубликованное несколько позже - в 1891-м (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 19.). Здесь были рассмотрены основные принципы (положения) научного коммунизма, разработано учение о двух фазах коммунистического общества (социализме и полном коммунизме), дана их характеристика, выдвинуто положение

(также впервые) о переходном периоде от капиталистического общества к коммунистическому и о революционной диктатуре пролетариата как государстве этого периода.

Не лишне еще раз напомнить, что решение о переработке предшествующей второй Программы, как отмечалось выше, состоялось еще на 18-м (март 1939) Съезде. Значительно позже оно было подтверждено 19-м (октябрь 1952) Съездом ВКП(б). Необходимость создания нового теоретического партийного документа особенно обострилась в связи с существенными переменами в жизни партии и страны. За 44 года после Октябрьской революции народ пережил Гражданскую войну и НЭП, осуществил индустриализацию экономики, коллективизацию сельского хозяйства, культурную революцию, ликвидировав практически сплошную безграмотность, одержал героическую Победу над немецко-фашистским агрессором в Великой Отечественной войне. Неимоверными усилиями практически за 8-10 лет было восстановлено разрушенное войной народное хозяйство, укрощена атомная энергия, создано атомное оружие и атомное машиностроение, химическая промышленность и электроника, освоено ракетостроение и запущен в космос первый в мире искусственный спутник Земли (1957).

Но можно ли было не принимать во внимание, что к моменту созыва 22-го Съезда (напоминаю, октябрь 1961 года) прошло всего 16 лет после Великой Отечественной войны. Люди жили не по-спартански, но предельно скромно, испытывали потребность в предметах первой необходимости, таких, как холодильник, мебель или стиральная машина, не говоря уже о модной одежде. В промышленности, строительстве и сельском хозяйстве значительное место занимал ручной труд.

Несмотря на развязанную Н.С. Хрущевым и его приспешниками широкую антисталинскую кампанию (откровенно разнузданной она стала в неолиберальные времена), а также вопреки изощренной западной пропаганде, ставившей цель диффамировать социализм, советские люди в массе своей сохраняли спокойствие и продолжали жить ожиданием лучшего и светлого (чего не скажешь о теперешнем времени). Не было дефицита в рабочих местах, ощущения карьерной бесперспективности и отсутствия справедливой оценки трудовых заслуг каждого, кто добросовестно трудился.

Не берусь утверждать, что большинство программных заявлений не совпадали с ожиданиями народных масс. По моим ощущениям, недовольство стало проявляться только тогда, когда действия хрущевского руководства перестали совпадать с представлениями и интересами основной массы советских людей. Это и ликвидация МТС (1958), и попытки обобществить крупный рогатый скот, урезать личные подсобные

хозяйства сельских тружеников, и непродуманная кукурузная кампания, и неожиданная передача Крыма УССР, как и многое другое.

Огромную тень на восприятие отдельных положений важного программного документа была отброшена 20-м съездом партии (14.01-02.02.1955). На его закрытом заседании (по существу, за пределами съезда) с докладом «О культе личности и его последствиях» выступил Н.С. Хрущев (См.: Известия ЦК КПСС, 1989, №3. – С. 128-170). Именно с этого времени началось отчуждение (отдаление) немалой части людей от партийной верхушки. Искусно подогреваемое западной пропагандой, оно постепенно перерастало в недоверие к правящей элите, а затем и к общественному устройству страны. Очередной раз подтвердилось извечное правило: приобрести доверие очень и очень трудно, тогда как потерять его можно в один миг.

К тому же, на 22-м Съезде открыто на весь мир было заявлено о разрыве Советского Союза с КНР. Сразу же после доклада Хрущева выступил глава китайской делегации Чжоу Эньлай, выразивший неудовлетворение такой позицией КПСС, а через три дня китайская делегация покинула Съезд. Надо сказать, что и до этого из Пекина звучали призывы ограничить критику Сталина, но в хрущевском руководстве мало кто обращал на них внимание. Разрыв с Китаем стал самым безрассудным поступком Хрущева и на долгие десятилетия создал натянутые и даже враждебные отношения между нашими странами, оказав неблагоприятное влияние на расстановку сил в мире и на мировое коммунистическое движение в целом.

Не меньшие последствия вызвало осуждение Албании и Югославии, критиковавших КПСС из самого социалистического лагеря, а также на время утихшая, но возродившаяся критика культа личности Сталина и тесно связанное с ней осуждение «антипартийной группы» Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова, Первухина, Сабурова и «примкнувшего к ним» Шепилова. Все это и отдаленно не напоминало дискуссионный характер партийных съездов ленинской эпохи. Вместе с ней ушли в прошлое живость и принципиальный характер партийных форумов времен Гражданской войны и всех 20-х годов.

Но обратимся к самому документу. В своей первой части Программа КПСС 1961 года содержала глубокий анализ эпохи того времени, раскрывала всемирно-историческое значение Великого Октября и обосновывала неизбежность перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе, давала характеристику мировой системы социализма и рассматривала закономерности ее развития. Даже с позиции сегодняшнего дня не будет преувеличением сказать, что Программа содержала

глубокий анализ каждого из этапов общего кризиса капитализма, обращая внимание на непримиримые противоречия, раздирающие западный капиталистический мир. Оценивая с марксистско-ленинских позиций международное рабочее движение, она выявляла пути, ведущие к подлинной социально-политической и экономической независимости народов, сумевших добиться национального освобождения. Разве сегодня все эти положения, осмысленные с позиций современности, утратили свою актуальность? Нет, разумеется.

Остается злободневным анализ разнообразных форм и видов буржуазной и реформистской идеологии, отрицающей необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата и рассчитанной на то, чтобы с помощью реформ (адепты буржуазии называют их сейчас перезагрузкой, осуществляемой в рамках «инклюзивного капитализма») создать привлекательный образ последнего. Как известно, подобного рода идеи возникли еще в последней четверти XIX века под влиянием ревизионизма Э. Берштейна, Г. Фольмара, А. Мальерена и др. Будучи внешне терминологически модифицированными, они играли и продолжают играть свою буржуазно-охранительную функцию.

Как и прежде актуальна (по крайней мере для тех стран, которые продолжают строить социализм) зафиксированная в третьей Программе главная цель политической деятельности партии – «обеспечить мирные условия для построения коммунистического общества (т.е. общества завершенного гуманизма по Марксу – И.Б.), … избавить человечество от мировой истребительной войны» (Материалы XXII Съезда КПСС. Стенографический отчет. Т. 3. – М., 1961. - С. 269). Одновременно, чтобы не деморализовать и демобилизовать советское общество, в Программе было заявлено о необходимости укрепления Вооруженных Сил Советского Союза, усиления обороноспособности, поддержания боеготовности армии на уровне, обеспечивающем решительный и полный разгром любого врага.

Скажу откровенно, в конце 50-х и начале 60-х годов мне были не совсем понятны действия руководства по значительному уменьшению численного состава вооруженных сил (начиная с 1950-го года армия страны сокращалась 4 раза), прекращению ядерных испытаний, ликвидации тяжелой артиллерии, некоторому снижению мощи военно-морского флота. И только позже, в начале 70-х годов уже в ходе работы в Ростовском высшем военно-командном училище им. М.И. Неделина и соответствующего научного общения, мне стало ясно, что без перечисленных выше мер нам вряд ли удалось бы создать ядерный щит страны в виде ракетных войск стратегического назначения, а затем и космических войск.

Все это, разумеется, не относится к значительным уступкам Н.С. Хрущева западным странам и, главным образом, США. Разве можно было разрешать Соединенным Штатам осуществлять аэрофотосъемки территории Советского Союза, отказываться от репарационных претензий к Австрии и Японии, передавать Австрии часть находившегося в зоне советской оккупации имущества поверженной фашистской Германии, уступить этой же стране германские активы и права на нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы, как и отдавать часть своей территории Финляндии и Китаю? В новые, но уже либеральные времена, попытки «умаслить» своих «партнеров», уступая им часть своих акваторий, или ублаготворить теперь уже близкий России Китай, уступив ему свои территории под видом демаркации границ, к сожалению, продолжились.

Анализ принятой 22-м Съездом КПСС Программы свидетельствует, что реализация ее отдельных положений, хотя и носящих необходимую идеологическую и пропагандистскую нагрузку, вряд ли имела шансы на успех в обнародованные сроки.

В этих своих фрагментах Программа являла собой образец явного забегания вперед. Приведу только один пример. «В ближайшее десятилетие, - обещала программа, - (1961-1970 годы), Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма – США… В итоге второго десятилетия (1971-1980 годы) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ,… в СССР будет в основном построено коммунистическое общество» (Материалы XXII Съезда КПСС. – С. 270). Излишняя детализация с конкретными цифровыми показателями имела место и в последующих разделах Программы, заканчивающейся словами: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (Там же. – С. 335).

Даже на этом фоне откровенным бахвальством выглядел хрущевский лозунг: «Догнать и перегнать Америку!», т.е. страну, оберегаемую двумя океанами, и потреблявшую за счет внешнеэкономической экспансии примерно 40% мирового ВВП. И хотя, как уже отмечалось, Программа строилась на прочном марксистско-ленинском фундаменте, на практике доказавшем свою теоретическую состоятельность, речь в ней могла идти только о возможном гипотетическом будущем. Как показала история, детализация продвижения к будущему возможна только в ходе самого социалистического строительства, учитывающего конкретно-историческую специфику того времени, в котором оно осуществляется.

И тем не менее, обнародование в 1961 году нового программного документа партии вызвало в Советском Союзе и в мире неподдельный интерес, серьезно обеспокоив мировую буржуазию. Одновременно, и этого нельзя не признать, Программа явилась катализатором многократного усиления агрессивности капитализма. Буржуазию постоянно приводило в состояние ступора то обстоятельство, что контрольные плановые цифры роста экономики Советского Союза неукоснительно соблюдались. Не без определенных трудностей, но был выполнен семилетний план 1959-1965 годов (разработка семилетки была вызвана необходимостью возвращения на оптимальный пятилетний горизонт планирования). Это можно сказать и о всех последующих пятилетках – восьмой (1966-70), девятой (1971-75), десятой (1976-80), одиннадцатой (1981-85) и двенадцатой (1986-90).

Благодаря успехам послевоенного экономического роста СССР шаг за шагом завоевывал все новые позиции в постоянном и жестком соперничестве с капитализмом. По уровню экономического развития он стал заметно приближаться к наиболее развитой на то время стране – США (широко известно, что свой ВВП мы производили и производим только за счет своих национальных ресурсов, тогда как Соединенные Штаты, создавая примерно 16% мирового ВВП, потребляли тогда, как уже отмечалось, около 40% валового продукта зависимых от них стран мира). Уместно привести нижеследующую таблицу, отражающую соотношения основных показателей развития СССР по отношению к США.

Показатели СССР (США – 100%)

1960

1986-1990

Национальный доход

58

66

Продукция промышленности

55

>80

Продукция сельского хозяйства

>70

90

Производительность труда в промышленности

44

>55

При этом нельзя не учитывать, что вопреки расхожим утверждениям западной и современной внутренней пропаганды, в Советском Союзе не было никакой уравниловки,

как не было и запредельной дифференциации населения по уровню доходов. К примеру, так называемый децильный коэффициент (соотношение 10% наиболее обеспеченного населения к 10% наименее обеспеченного) составлял в стране Советов примерно 5 раз (сейчас – примерно 40 раз). Государство настойчиво проводило политику, направленную на сближение уровня и условий жизни жителей города и деревни, а также различных регионов огромной (более 17 млн. км2.) страны. Успешно решалась проблема обеспечения населения продовольствием и жильем. У нас, как и в других европейских, а также восточных (КНР, КНДР, СРВ) социалистических странах, был самый низкий в мире уровень преступности. Социально-экономическое развитие всех социалистических стран сопровождалось бурной культурной революцией.

Советскому общественному строю (и это факт) соответствовали все основные черты, характеризующие социализм: народовластие в форме Советов, совместное владение, пользование и распоряжение средствами производства, т.е. общественная собственность в двух ее формах и социальная справедливость. Но это далеко еще не коммунизм, в котором, как утверждалось в третьей Программе, «все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип – каждому по потребностям» (Материалы XXII Съезда КПСС. – С. 274).

Очевидно, что при раскрытии образа коммунистического будущего преждевременно было делать упор на его материальном содержании. Те, кто был знаком с экономикой страны того времени не понаслышке, а погрузившись в проблему, понимал, что при всех успехах СССР создать за 20 лет (примерное время, в течение которого происходит смена поколений) материально техническую базу, способную создать изобилие потребительских благ, было в принципе невозможно. Больше того, задача, сформулированная явно по-прожектерски, стала поводом для сомнений и даже насмешек со стороны людей, невежественно воспринимавших теорию марксизма.

В конечном итоге излишняя поспешность в оценках стимулировала консолидацию внутренних антисоветских сил. Подпитываемые Западом материально и идеологически, они стали беззастенчиво глумиться над КПСС и коммунистическими идеями, что и привело в конце концов к ельцинскому антиконституционному перевороту 1993 года, поддержанному, как это ни печально констатировать, многими сходу перекрасившимися коммунистами и беспартийными массами.

Однако, кто продолжает утверждать, что именно Программа, принятая 22-м Съездом партии, вызвала отрицательное отношение к советскому строю, откровенно лукавит. В реальности имело место не отчуждение от социализма (он и сейчас, как показывают

исследования, остается в умах людей наиболее приемлемой формой жизнеустройства), а подобно снежному кому растущее недоверие к правящей элите, постепенно перерастающее в ее неприятие.

Кстати сказать, проблема доверия и недоверия, как показывают события последнего времени у нас – в России и за ее пределами, требует углубленного изучения. Не случайно в последние годы в гуманитарной науке наблюдается концептуализация феномена доверия как основы всякого общества и изменяющейся социальной реальности в движении от прошлого к будущему. Трудно, например, не заметить, что для большинства граждан современной России бесперспективность и опасность ныне проводимого олигархической верхушкой курса становится все более очевидной. Не случайно социологические опросы последних месяцев фиксируют стремительное падение доверия общества ко всем институтам власти. Только 6% опрошенных заявляют, что власть выражает интересы всего общества, тогда как на том, что она отвечает, главным образом, интересам олигархии, настаивает наибольшее число опрошенных – 40% (С.Р., 2021, 28 октября).

При оценке содержания Программы КПСС, принятой 22-м Съездом, намеренно не касаюсь внешних финансовых, организационных, пропагандистских и других целенаправленных усилий Запада, нацеленных на разрушение советского социализма. Его строительство (подчеркиваю, строительство) шло на 1/6 части Земли, тогда как почти 5/6 его часть оставалась под гнетом капитализма, ни на мгновение не оставлявшего своего намерения любыми способами разрушить Советский Союз. Обращаю здесь внимание лишь на некоторые стратегические ошибки тогдашнего руководства огромной державы. По тем или иным причинам оно не смогло сосредоточить свое внимание на нарастающем несоответствии конкретных форм общественных (экономических) отношений периода раннего социализма (именно такой, а вовсе не развитой социализм был в СССР) и, в частности, форм и методов управления экономикой, качественно возросшему уровню развития производительных сил.

Своевременной реакции на это не последовало и уже в 80-е годы обществу был предложен очередной вариант форсированного сближения теории с практикой, а точнее горбачевская «перестройка», основанная на «общечеловеческих ценностях» и «новом мышлении». В результате советский народ, как говорится, «не мытьем, так катаньем», был втянут в либерал-демократизм, точнее в периферийный капитализм – непроизводительный и спекулятивно-ростовщический, олигархический, насквозь криминальный и к тому же компрадорский.

Этому способствовало отсутствие должной реакции на негативные тенденции в общественном развитии страны, а также ушедшая в прошлое вместе с «ленинской гвардией» большевиков культура и практика внутрипартийных споров, и замена их формально-бюрократической ритуальностью. К этому следует добавить, что конструктивная критика подменилась публичным обсуждением на партийных форумах (в том числе и высоких партийных съездах) любого суждения, противоречащего установкам вышестоящих инстанций, а также забвение принципа: «критика – наша сила!» (в лучшем случае подмена его критиканством). Все это еще больше углубляло дегармонизацию интересов правящей элиты с интересами широких партийных и народных масс. А несменяемость номенклатуры, желающей тем самым до бесконечности обладать руководящим статусом, постепенно формировала в самих номенклатурных кругах собственнические и индивидуалистические предпочтения.

В результате были созданы питательные возможности для ряда откровенных ошибок и не обоснованных, а порою даже несуразных действий. К их числу отношу следующие:

во-первых, игнорирование предложений тех, кто выступал за необходимость всесторонней демократизации общественных (в том числе производственных) отношений и критиковал устаревшие формы политической и хозяйственной жизни общества, лишавшие общество механизма саморазвития и самосовершенствования, а также стимулов к разработке новой модели экономического развития, основанной на использовании зарождавшихся в Советском Союзе в 50-х годах новых вычислительных и компьютерных средств и других достижений НТП;

во-вторых, сохранение изживших себя элементов управления экономикой, основанных на жестком директивном планировании производства и распределении конкретной номенклатуры продукции. Они мешали внедрению более совершенных форм макроуровневого управления с применением новых технологий, обеспечивающих целенаправленное развитие воспроизводственного процесса при достаточной самостоятельности предприятий, отраслей, регионов;

в-третьих, в обстановке неослабевающей военной угрозы и «холодной войны» не было найдено оптимальное соотношение в решении мирных и оборонных задач, что тормозило технический прогресс в отраслях народного хозяйства не оборонного комплекса, и сдерживало рост благосостояния людей;

в-четвертых, не был преодолен догматический подход к общественным наукам, не обеспечено их должное творческое развитие, что привело к застою обществоведения и в конечном итоге к деформации сознания многих гуманитариев. Отсутствовал глубокий критический анализ происходящих в стране социально-экономических процессов, а появляющиеся новаторские разработки не востребовались руководящими органами партий (последняя де факто была цементирующей основой всей сложившейся еще в 30-е годы системы управления).

Имели место и другие серьезные ошибки и просчеты. Например, в стране не было достигнуто необходимого соответствия между качеством и результативностью (производительностью) труда, с одной стороны, и мерой потребления, с другой. Это стало особенно ощутимым в условиях заметного увеличения в 70-80-е годы доли высококвалифицированного и интеллектуального труда в производстве. Недооценивалось значение малых форм экономики и индивидуальной трудовой деятельности, играющих определенную роль в удовлетворении многообразных потребностей людей, линейка которых неуклонно расширялась.

По мере развития в стране негативных тенденций возродились и активизировались либеральные, антисоциалистические и одновременно прозападные силы. Их ядро составили дельцы теневой экономики, ежечасно и ежедневно порождающей мелкобуржуазный и эгоистический интерес. Именно в начале 90-х годов эти силы образовали окружение Ельцина и стали активно конвертировать власть в собственность, а в наши дни они продолжают эту конвертацию, но уже из собственности во власть, делая последнюю несменяемой. Другой их составляющей стала часть партийно-государственного аппарата, попавшая под западное влияние и очарованная его «витринным» благополучием. Третьим элементом антисоциалистических, а следовательно, по большому счету, и антироссийских сил стали отдельные представители «элитарной» интеллигенции.

Руководствуясь узкоэгоистическими интересами, они открыто продолжают ориентироваться на «ценности» западного мира, сумевшего создать богатство «не для всех» (на создании "богатства для всех" строился основной постулат третьей Программы партии), а «для немногих». И именно они, эти силы, развернули и продолжают активную антисоветскую и антисоциалистическую пропаганду, оказывавшую негативное влияние на умонастроения значительной части нашего общества и главным образом молодежи. В свое время, воспользовавшись во многом искусственными неурядицами в экономике, при активной поддержке Запада и его спецслужб, они прибрали к рукам ключевые позиции в политической, экономической и духовной жизни страны и продолжают пока их удерживать. Под лозунгом перехода к якобы спасительной рыночной экономике в Советской стране был осуществлен последовательный демонтаж основ

социалистической системы и реставрированы порядки, характерные для западной цивилизации – неравенство (социальное, экономическое, культурное), а также политическая и военная конфронтация. Разумеется, все эти явления не есть порождение только Запада, они всегда вплоть до утверждения на Земле социалистического жизнеустройства присутствовали в жизни человечества.

Современные либеральные деятели, как и в 90-е годы, утверждают, что создание третьей Программы КПСС стало временем перехода коммунистической верхушки от «каннибализма к вегетарианству» и от «массового террора» к очередной модернизации, затеянной якобы еще Л.П. Берией. Но никто из них не говорит, что не только на 20-м Съезде, но и на двух последующих съездах КПСС Н.С. Хрущев продолжил безосновательно обвинять И.В. Сталина, в репрессиях, будучи их активным участником. Именно Хрущев инициировал переименование названных в честь вождя его именем городов, снос памятников (кроме памятника на родине Сталина в Гори), тайное вынесение тела вождя из мавзолея и захоронение его у Кремлевской стены.

Все это, а также вошедшее в практику партийно-государственной верхушки серьезное расхождение между словом и делом, между обещаниями и их реализацией, но не сам по себе программный документ, явилось причиной и условиями возникновения в стране антикоммунистических настроений. На поводу у этих настроений пошла и партгосноменклатура. Ее интересы в какое-то время перестали совладать с интересами народных масс. Не лучше, а точнее явно по-предательски, повели себя и многие члены многочисленной партии. При безмолвии народа они с равнодушием встретили объявленный Горбачевым самороспуск КПСС. Светлые надежды и вера в коммунизм сменились рыночными иллюзиями, как принято сейчас говорить, фейками, что стало одной из причин краха страны и успеха второго этапа ельцинского конституционного переворота 1993 года.

Вспоминается четверостишие, подаренное мне в начале «нулевых» годов профессором-поэтом А.С. Мамонтовым:

Слагали песни про коллективизм,

Делились хлебом с братией босою.

И променяли веру в коммунизм

На полки с вожделенной колбасою.

Завершая свой экскурс в прошлое, отмечу, что всегда на протяжении жизни человек испытывает затруднения в соединении прошлого с настоящим, а настоящего с будущим. В результате как бы рвется связь времен. Поэтому более важно думать, нежели торопиться что-то делать или кого-то осуждать, ибо нет ничего хуже «деятельного невежества».

Форсированное сближение теории с практикой, или, говоря марксистским языком, активное воздействие надстройки в виде совокупности идеологических взглядов и идей (политических, правовых, экономических и др.) на базис (совокупность определенных производственных отношений), не только возможно, но исторически закономерно. Но для того, чтобы стать реальностью, оно – это сближение должно: во-первых, быть осознанным людьми, т.е. пройти через их головы «в виде определенных понятий» (Г.В. Плеханов); во-вторых, учитывать особенности конкретно-исторической ситуации, в которой оно осуществляется; в-третьих, исходить из понимания, что социализм (а речь в данном случае идет о социализме) лежит корнями глубоко в материальных, экономических отношениях капитализма (Ф. Энгельс). А поскольку последний порождает не только психологию восходящего трудящегося класса, но и психологию буржуазии, стремящейся сохранить и упрочить условия своего благоденствия, торопиться надо, но надо спешить «не поспешая».

И.М. Братищев,

первый заместитель Председателя ЦС РУСО, д.э.н., профессор